

О СЛОВОПРОИЗВОДСТВЕ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МОТИВИРОВАННОСТИ СЛОВ СЛОВАРНОГО СОСТАВА РУССКОГО И СЛОВАЦКОГО ЯЗЫКОВ

Михал Миклуш

Любое исследование языка основывается на некоторых достаточно общих представлениях об исследуемом объекте, которые в мультикатегориальном контексте продвижения человеческого познания выступают в качестве эвристического средства, помогающего осмыслить его частности в контексте целого. Проявляется это и при исследовании словопроизводства и словообразовательной мотивированности, при которых тоже удобно представление о системе языка как отображении картины мира его носителей и о вербальном пространстве как отображении языкового сознания и его речевой организации.

По данным разных наук известно, что картина мира или образ мира – это «отображение в психике человека предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» (Леонтьев, 1988, 105). На основании межнаучно или мультинаучно употребляемой методологии исследования объективного мира подтверждается и тот факт, что образ мира сам по себе имеет сложную иерархическую и динамическую структуру. Как констатирует А. А. Леонтьев (1988, 105), в частности следует при этом различать: а) инвариант образа мира и б) вариант образа мира. Первый из них является обусловленным лежащими в его основе социально выработанными опорами – прежде всего значениями, и, в свою очередь, могущий быть единым для всего социума (социально-культурной общности, этноса) или для определенной социально-культурной группы внутри этого социума. Второй из них является индивидуально-личностным «видением» мира конкретным человеком через призму его личностных смыслов, установок и других компонентов структуры личности, или, иначе говоря, – о других трактовках понятия «картины» или «образа мира» (Серебренников, 1988, 216 с.). Такая характеристика, по сути, предполагает тождественность понятий «картина

мира» и «языковое сознание». По содержанию эти понятия, вероятно, можно считать условно тождественными. Однако различие модусов их существования – языковая система в одном случае и языковое сознание в другом – требуют разных представлений об их устройстве и взаимосвязанных, но в значительной мере разных методов исследования. Они вытекают уже и из организации системы «язык – речь» и вместе с их когнитивной и коммуникативной функциями сводятся к взаимодействию четырех слагаемых и изучающих их научных дисциплин, а также к чувственно-эмпирическому, рациональному и эмоциональному компоненту каждого человеческого «я», как от издавна в гуманитарных науках «бытующему» представлению о трех основных сферах человеческой психики (Подробнее смотри об этом, напр., В. В. Волков, 1993, с. 25 и сл.).

Как (кроме других) констатирует и Волков (1993, с. 38–39), чувственное (или эмпирическое, эмпирийное) находит соответствие в денотатном (референциальном), рациональное (сфера разума, мысли) – в сигнификативном, эмоциональное – в коннотативном аспектах «изменения» слова. Выходит, что строение слова изоморфно строению «я» и, в каком-то смысле, устройству самой системы гуманитарного знания, в чем и проявляется аппроксимативная сущность лингвистики, но и каждой науки, и отражение универсальной и специфической сторон каждого естественного коммуникативного кода и его знаковых единиц. Многие предназначения языка способствуют тому, что любая языковая единица, в том числе и производное слово как универсальное и специфическое отражение и познание картины мира, принадлежит как языковому сознанию, так и системе языка, и является элементом как когнитивных, так и коммуникативных структур и их процессов. Это обстоятельство обуславливает антиномичность природы каждого производного слова, потому что базовые антиномии могут порождать ряд частных антиномий, а исследовать язык, не учитывая антиномий его существования, фактически нельзя. Как правильно констатирует В. Волков (1993, с. 4), «теоретически возможны два основных способа учета антиномий: 1) Констатация наличия минимум десяти возможных антиномий в теории и уход от их анализа в исследовательской практике на основе выбора одного из членов антиномического противоречия как методологической основы отдельного аспекта изучения языка (ср., напр., классические варианты «чисто» синхронического или диахронического исследования) и 2) анализ антиномий существования языка на основе его изучения в одном из антиномических аспектов с учетом («на фоне») другого или даже

«в пересечениях» разных антиномических аспектов» в рамках выделяемых минимум десяти антиномий существования и функционирования языка и его двух основных антиномически упорядоченных и диалектически взаимосвязанных когнитивных и коммуникативных структур. В обоих случаях учета антиномий в основе лингвистического исследования картины мира лежит реконструирование естественных классификаций языковых единиц и установление характера взаимосвязей между их элементами. Однако сколько таких «картин» целесообразно различать в пределах лингвистического исследования языковой картины мира, как каждая из них устроена, каковы принципы описания этих картин, каковы метаязыковые средства их описания, изоморфны ли эти «картины» одна другой или строятся по различным принципам и, следовательно, они несопоставимы – это явно сложная и трудно постижимая задача. Маркантно она проявляется и в том, что, как известно, уже со времен Фердинанда де Соссюра в языкознании пользуются понятийной оппозицией мотивированности и немотивированности языкового знака, но само понятие мотивации и все ее проявления в языке понимаются по-разному и не являются общеприняемыми. В рамках словарного запаса эта оппозиция признается почти что всеми лексикологами и дериватологами и различаются ими три типа мотивации лексических единиц: 1) имитативный или звукоподражающий тип, состоящий в имитации внеязыковых звуков, связанных с обозначаемым предметом или явлением, напр., *кукареку* – *kikiriki*, *хранеть* – *chrápať*, *скрунуть* – *škřípať*, *мяукать* – *tlavčat'*, *хныкать* – *fňukat'*, *vzlykat'*; 2) транспозитивный или семантический тип, возникший метафорическим или метонимическим переносом значения, напр., *коза* – *koza*, *конь* – *kôň* – вещи физкультурных снарядов, *козлы* – *kozlik* (на возе), *koza* – *kôň* – для пиления дров; 3) деривационный или словообразовательный тип, традиционно называемый и морфологическим типом, основанный на морфематическо-семантической корреспонденции слов, напр., *стол* – *стол-ик* // *stól* – *stol-ik*, *ходить* – *ходьба* – *хождение* // *chodit'* – *chôdza* – *chodenie* (putovanie) и т. д.

С точки зрения системы в словарном запасе самым важным типом является словообразовательная мотивация, потому что имитативная употребляется только у довольно узкой группы слов оноματοпоического и экспрессивного характера, а семантическая проявляется только на уровне содержания и не отмечается формально, невзирая на то, что и так она является важным средством для конституирования и развития семантической структуры слов. Дело в том, что словообразовательная мотивация

дает возможность слову, чтобы оно посредством своих морфематических компонентов зачленилось не только в продуктивные, но и в более или менее замкнутые, но системно упорядоченные группы. Конкретно говоря, например, слова с одинаковой словообразовательной основой принадлежат в одно словообразовательное гнездо – *ходить – приходить, заходить, уходить – приход – уход – приходящий, доход, доходящий // pricházat', zacházat' – ucházat' (sa), prichod, prichádzajúci, dôchodok* и т. д. Поэтому принадлежность словообразовательно мотивированного слова в словообразовательное гнездо и в словообразовательный тип дана диалектической соотносимостью его формальной и семантической сторон, т. е. тождественностью словообразовательно релевантных морфем и тождественностью значения, которое надлежащие морфемы передают. Осознание этого факта имеет свои последствия и для обучения языкам, для осваивания их словарных запасов, несмотря на то, что словообразовательная мотивация является сложным и динамическим междуобластью-полюсным явлением, в рамках которого имеется целый ряд межступеней, при которых мотивационные отношения слов являются более или менее завуалированными то на уровне формы, то на уровне значения.

Эта завуалированность возможных отношений мотивации может отодвигаться даже так далеко, что лексическое значение слова может быть даже полностью противоположным по отношению к значению его словообразовательных компонентов. Как констатирует Ю. Фурдик (1977, с. 3–9), эта многосторонность и осложненность отношений мотивации является, по-видимому, одной из причин того, что значительная часть лингвистов относилась и еще относится к исследованию словообразовательной мотивации сдержанно и недоверчиво, хотя, с другой стороны, некоторые лингвисты, а в их следах и философы, переоценивают особенно гнозеологическую функцию словообразовательной мотивации. Однако получается так, что обе эти крайности являются необоснованными. Ведь словообразовательная мотивация и все ее изменения являются явным средством, следствием и движущей силой развития словарного запаса как имплицитно данной подсистемы общей системы каждого естественного языка. Однако, как кажется, «нельзя ей приписывать основные гнозеологические функции, как будто бы она детерминировала языковое членение действительности в сознании говорящих, но нельзя ее ни недооценивать как случайное, эфемерное, переходное, для словарного запаса несущественное явление» (Фурдик, 1993, 21), и аргументировать это даже таким обоснованием, что «направление развития к потере

мотивации является свойственным лексической системе как целому» (Стракова, 1973, 20). Нельзя этого делать уже по той простой причине, что так или иначе всегда приходится принять на практике какую-то из гнозеологически существующих и выработанных «картин мира», реконструированных на основе отдельного уровня общей системы языка и «культурных концептов» как «второй реальности», в которых человек живет и познает окружающий мир извне, а по отношению к культуре – изнутри, и это становится основанием для восхождения к целостному представлению о системе этой системы в ономаσιологическом или идеографическом аспекте. Убедительно это подтверждает богатая научная литература, из которой вытекает, что поскольку языковая картина мира существует не как вещь в себе и для себя, но – вместе с речевой деятельностью и в речевой деятельности – как синтезирующая основа культуры, то она может рассматриваться и как отображение системы человеческих знаний на том или ином этапе исторического развития человечества.

Таким образом «морфемно-словообразовательный» подход к реконструкции картины мира является фактически лишь одной из возможностей найти «вход» в целостность системы языка, что осуществляется на практике, например, конструированием различных идеографических словарей или квазилексикографических материалов, включающих морфемно-словообразовательные данные как структуры и закономерности деривационной «развертки» словообразовательных категорий от тех или иных частей речи.

Упрощая и конденсируя все выше сказанное, мы можем дальше констатировать, что дериватология занимается исследованием формальной и семантической структуры слов, образованных от иных слов изменением их морфематической структуры. Значит, она исследует типологию словообразовательно мотивированных частей словарного запаса и ее основным принципом является принцип мотивированности как причинно-следственной соотносимости между предметом или явлением (в широком смысле слова, значит и действием и признаком и т. п.) и их наименованием.

Из этого вытекает, что словообразовательная мотивация представляет собой отношение между двумя словами, у которых проявляются следующие свойства: 1) у обоих слов имеется тождественный корень и 2) значение одного слова является: а) полностью охваченным в другом слове (*дом* – *dom*, *домик* – *domček*), или б) тождественным с другим

словом, причем могут возникать между ними различия в синтаксической (*бегать – behat', бег – beh*) или в стилистической функциях (*книга – kniha, книжка – knižka*) (Улуханов, 1977).

При определении направления словообразовательной мотивации приходится, по Улуханову, исходить из следующих критериев:

1) При различии лексических значений мотивированным является то слово, которое отличается большей формальной сложностью, значит, в словообразовательном базисе содержит кроме корня большее количество выделительных звуковых частей.

2) При различии лексических значений и одинаковом количестве вычленимых звуковых частей мотивированным является то слово, которое является семантически сложнее (*химик – химия, chemik – chémie*).

Итак, каждое словообразовательно мотивированное слово содержит всегда минимум два элемента: одним из них отсылает к своему исходному слову как словообразовательной основе а другим – словообразовательным формантом – отличается от всего исходного слова. Таким образом, словообразовательная мотивация создает внутреннюю организацию словарного состава и ее относительную устойчивость.

В мотивационные отношения в славянских языках включен почти весь словарный их запас. По данным разной литературы, почти 96 % лексических единиц являются участниками мотивационных отношений. Разветвленную мотивационную сеть обеспечивают в них не только подлинными немотивированные слова и их мотиванты, но и слова уже мотивированные, которые становятся исходными для дальнейшей деривации.

Славянская, а тем самым и русская, и словацкая дериватология, которые нас интересуют в этой нашей работе, по выражению Лопатина и Улуханова (1977), на основании проделанного ими исследования развития славянских языков, представляет собой «значительную степень единства, тождественности, параллельности словообразовательных систем», однако и между генетически близкими языками существует целый ряд отличий.

Как раз эта мысль и послужила нам импульсом для попытки определить степень словообразовательной мотивированности словарного состава в словацком и русском языках, которые являются генетически родственными и вместе с остальными славянскими языками развились из общего праславянского основания. Результативные знания о структурированности словарного состава, обусловленные отношением мотивированности, мы приобрели на основании сопоставления выбранных тысяч

лексических единиц и их эквивалентных русских переводов в словацком варианте, начинающих с буквы Д. В словарной работе мы использовали прежде всего *Slovensko-ruský slovník* (1976), из которого мы черпали основной лексикографический материал, дальше мы взяли во внимание *Krátky slovník slovenského jazyka* и Словообразовательный словарь русского языка.

Отдельные слова мы классифицировали на основании следующих критериев:

1) по принадлежности слова к той или иной части речи или по так наз. лексикограмматической их отнесенности; конкретно взяли во внимание субстантивы, адъективы, вербы, нумералии и адвербии;

2) по словообразовательному базису – субстантивному, адъективному, вербальному и т. д.;

3) по словообразовательному способу, а именно по суффиксации, префиксации, трансфлексии и конфикации.

Поскольку решающим критерием при классификации композитов оказался их словообразовательный способ, мы выделили их в этой нашей работе как особую группу. За такое решение говорит и отсутствие у них первого и второго выше приведенного критерия, т. е. их «частиречной» принадлежности или лексикограмматической отнесенности и одного словообразовательного базиса.

В общую статистику мотивационных отношений выбранных нами типов слов мы включили только их главное значение, т. е. ту лексическую единицу, которая является в языке более частотной и представляет собой тип одной из основных асимметрий, в смысле – одна лексическая единица и несколько эквивалентов в русском переводе, ср., напр., слвц. *dobehnúť* и рус. *добежать, прибежать, зайти, догнать* и т. п.

Исследование нами проблематики словопроизводства и словообразовательной мотивированности слов словарного состава словацкого и русского языков подтверждает правдивость констатации В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, что «основной фонд словообразовательных способов, формантов и выражаемых ими словообразовательных значений, составляющих центр системы, является в славянских языках общий, единый». Отражается это и в статистическом его измерении, где субстантивы и вербы как основные и стержневые разряды или классы слов являются в обоих языках с точки зрения их использования в них самыми частотными.

Немотивированные (Н) субстантивы в словацком языке представляют собой 20,8 %, по сравнению с их русским 17,4 % выражением. У глаголов это процентуальное соотношение еще ниже, причем в русском языке получается немотивированных глаголов больше – 4,1 %, а в словацком только 2,0 %. Каждое Н слово, как правило, вступает в мотивационные отношения, но разная ступень немотивированности демонстрируется в обоих языках в дальнейшем их словопроизводстве по-разному.

Одним из самых важных словообразовательных приемов деривации словацких и русских субстантивов является суффиксация, а то с субстантивным, вербальным и адъективным словообразовательным базисом или основой (*dejepis – dejepisec, divat sa – divák, dokonaly – dokonalosť – история – историк, зреть – зритель, совершенный – совершенство* и т. п.).

Второе место занимает в них так наз. трансфлексия (*dialektológia – dialektológ, farmakológia – farmakológ – диалектология – диалектолог, демократия – демократ* и т. п.).

Что касается префиксации (*harmónia – disharmónia, pozícia – dispozícia – гармония – дисгармония, позиция – диспозиция*) и конфиксации, то они в большей мере в словацких и русских субстантивах не употребляются. Однако, интересным является факт, что в русском языке, по сравнению со словацким, имеется почти в два раза больше субстантивов, образованных суффиксально или трансфлексивно от глагольной словообразовательной основы, хотя, в целом, в русском языке имеется далеко больше немотивированных глаголов, чем в словацком, но, с другой стороны, общее количество процентов глаголов, образованных суффиксацией от субстантивной словообразовательной основы, бывает в русском языке намного (в три раза) ниже, чем в словацком, т. е. 1,5 : 4,7 % в словацком.

На основании приведенных данных можно сделать такое заключение, что русские глаголы своей мотивацией являются более активные, более богатые и более сложные, чем словацкие. По сравнению с субстантивами, они образуют большее количество словообразовательных гнезд и чаще стоят во главе их, вследствие большей доли в этом процессе немотивированных глаголов.

У остальных сигнификативных и номинативных частей речи и у композитов такой принцип словопроизводства является приблизительно идентичен – нет в нем выразительного асимметрического сигнала. В. В.

Лопатин и И. С. Улуханов (1980, 133–452) выделяют 10 основных общих черт славянского словообразования. Все они касаются формальной стороны деривации. При нами исследованном инвентаре слов, начинающихся с фонемы Д, чаще всего встречались из них:

1) Н слову в словацком языке соответствует Н слово в русском = Н – Н. Касается это прежде всего слов, принадлежащих в центр словарного состава, и слов иностранного происхождения: *docent* – *доцент*, *ďasno* – *десна*, *dlaň* – *ладонь*, *dláto* – *долото*, *dobrý* – *хороший*, *dlabať* – *долбить*, *darťo* – *даром*.

2) Отношение М слово в словацком и М слово в русском языке, образованное от одинаковой словообразовательной основы одинаковым словообразовательным способом – М – М.

Принадлежат сюда:

а) суффиксально образованные субстантивы с субстантивной основой: *domček* – *домик*, *debutant* – *дебютант*;

б) суффиксально образованные адъективы с субстантивной основой: *dánsky* – *датский*, *dekanský* – *деканский*;

в) суффиксально образованные глаголы с субстантивной основой: *darebáčiť* – *лентяйничать*, *dokumentovať* – *документировать*;

г) образование совершенного и несовершенного видов глаголов: префиксацией с глагольной основой: *domlátiť* – *домолотить*, *vyliečiť* – *вылечить*, *zbedať* – *заметить*; суффиксацией с глагольной основой: *dokviťať* – *доцветать*, *donucovať* – *принуждать*, *patáčať* – *обмакивать*, *obijať* – *обивать*;

д) трансфлексное образование наречий с адъективной словообразовательной основой: *dobre* – *хорошо*, *dokonale* – *совершенно*; *odborne* – *профессионально*.

3) Словацкому композитному слову соответствует русское композитное слово, образованное одинаковым словообразовательным способом: композито–трансфлексив: *ďalekozraký* – *дальнозоркий*, *dážďomer* – *дождемер*, *dobročinný* – *благотворительный*, *dobrodenie* – *благоденствие*, *dobrodinca* – *благодетель*; композито–суффиксативы: *deväťmesačný* – *девятимесячный*, *dobrosrdečný* – *добросердечный*, *drahocenný* – *драгоценный*, *duchaplný* – *остроумный*, *drevoobrábaci* – *деревообрабатывающий*, *dobrodružný* – *приключенческий*; юкстапозиционный: *dekagram* – *декаграмм*, *deväťsto* – *девятьсот*, *dvojtýždenný* – *двухнедельный* и т. п.

Все эти общие черты симметрии не являются, однако, доказательством абсолютной тождественности двух словообразовательных систем.

У обоих языков есть целый ряд типологических особенностей, которые не могут не проявляться в лексическом их плане. Существующие отличия между ними возникли вследствие их индивидуального развития, влияния диалектов, обычаев, разной стилизации объективной действительности в них, словом, под влиянием определенных специфических данностей у обоих из них.

К основным типам ономаσιологических асимметрий у них принадлежат:

1) Асимметрический тип Н – М / М – Н, представляющий собой оппозицию словообразовательно немотивированного слова в одном языке и его словообразовательно мотивированного эквивалента – в другом и наоборот: *demonštrovať* – *демонстрировать*, *ďakovať* – *благодарить*. Определенная часть этого оппозиционного типа относится к выше уже приведенной разной степени немотивированности глаголов и имен существительных, причем в таких парах, как *dezolantný* – *безнадежный*, *distribúcia* – *распределение*, речь идет об оппозиции заимствованного слова и его эквивалентного перевода, который является мотивированным домашним словом.

2) Асимметрический тип М – М, у которого в обоих языках слова являются мотивированными, но отличаются друг от друга способом образования, т.е. оппозицией «дериват – композитум: *dlhotrvajúci* – *длительный*, *domáca* – *домохозяйка*, *dobrodružný* – *приключенческий*, *авантюрный*.

3) Довольно частыми являются асимметрические случаи, когда в словацком существует однословное наименование, а в русском ему соответствует двух и больше словное наименование. Этот способ словообразования представляет собой 12,1 %. В его рамках можно выделить две группы:

а) одна лексическая однословная единица стоит против одной большесловной единицы: *ďatelinisko* – *клеверное поле*, *daždovka* – *дождевой червь*, *diskár* – *метатель диска*, *dlžný* – *бывающий в долгах*;

б) против одной лексической однословной единицы стоят две эквивалентные возможности русского перевода, из которого одна является двухсловным наименованием, а другая бывает дериватом или композитом: *domáca* – *домашняя хозяйка* – *домохозяйка*, *dnešok* – *настоящее время*, *сегодня*, *dobrák* – *добрый человек*, *добряк* и т. п.

К констатированному в особом порядке следует добавить, что двум и больше словным единицам русского языка в большинстве соответ-

ствуют однословные лексические единицы словацкого языка, которые, однако, являются стилистически маркированными, напр., словацкое экспрессивное слово *diváky* – «глазеющие» люди (ср. пойти глазеть), словацкое разговорное *dolniak* – житель южной Словакии, устар. *dadov* – детский сад и т. п.

Значительную часть этих однословных лексических единиц образуют так наз. реалии, т. е. наименования особых явлений культурной сферы народа, который говорит на данном языке, напр., *domkár* – мало-земельный крестьянин и т. п.

Что касается универбизации, то она как специфический способ деривации асимметрически расположена в обоих языках. Однако кажется, что в современных языках она становится довольно продуктивным словообразовательным явлением, хотя существующие примеры как будто бы свидетельствуют о том, что в словацком языке и в предшествующих этапах его развития было оно немного более продуктивным, нежели в русском. Конечно, данная проблематика нуждалась бы в более глубоком ее исследовании, а здесь мы ее коснулись только потому, что она является одним из заметных типов асимметрии.

4) К асимметрическим словообразовательным словацко-русским соотношениям надо отнести и те случаи, когда одному слову в словацком языке соответствует в русском больше эквивалентных переводов, напр., слово *dlžka* как размер = *длина* (Н), *dlžka* по отношению к времени – *длительность* (С, АЗ в обоих языках), *dlžka* по отношению к географии – *долгота* (С, АЗ в обоих языках).

5) Асимметрически словообразовательно соотносимыми являются и слова, которые в словацком языке являются стилистически маркированными, принадлежащими к разговорной сфере, а в русском языке не имеющими соответствующего эквивалента, напр., *deneska*, *deneskajši*, *deneskajšok* – 0, *dnuka*, *dnukajši*, *dnukajšok* – 0.

В заключение можно сказать, что приведенными нами пятью типами асимметрий перечень несоответствий между словацким и русским словообразованием не исчерпывается. Вопреки генетической их родственности нет между ними такой тождественности, которая инклинировала бы к абсолютности. Каждый из этих языков имеет свои собственные внутренние и внешние закономерности и свою собственную шкалу словообразовательных средств с нетождественной иерархией их использования.

Литература:

- BLANÁR, V.: Porovnávanie lexiky slovanských jazykov z diachrónneho hľadiska. Bratislava, Veda, SAV 1993. 185 s.
- DOKULIL, M.: Tvoření slov v češtině 1. Teórie odvozování. Praha, ČSAV 1962. 263 s.
- FILKUSOVÁ, M. et al.: Veľký rusko-slovenský slovník. I diel. Bratislava, Vyd. SAV 1960, s. 397-502 (písmeno D).
- FURDÍK, J.: O súčasných smeroch slovtvorného výskumu. Jazykovedný časopis SAV, 20, 1969, s. 63-78.
- FURDÍK, J.: Metodológia, slovtvorná motivácia a teória poznania. In: Jazykovedný časopis SAV, 28, 1977, s. 3-9.
- FURDÍK, J.: Slovtvorná motivácia a jej jazykové funkcie. Levoča, Modrý Peter, Polypress 1993. 199 s.
- HORECKÝ, J.: Slovtvorná sústava slovenčiny. Podstatné meno. Prídavné meno. Sloveso. Bratislava, SAV 1959. 217 s.
- Krátky slovník slovenského jazyka. Red. J. Kačala. Bratislava, Veda, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1987. 587 s.
- SEKANINOVÁ, E.: Dvojazyčná lexikografia v praxi. Bratislava, VEDA. Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied 1993. 251 s.
- Slovensko-ruský slovník. (Autori D. Kollár, V. Dorotjaková, M. Filkusová, E. Vasilievová). Bratislava, Slovenské pedagogické nakladateľstvo a Moskva, Russkij jazyk, 1976.
- STRAKOVÁ, V.: Substantívni derivace (v ruštině a češtině). I. vyd. Praha, Academia 1973. 132 s.
- ЛЕОНТЬЕВ, А. А.: Языковое сознание и образ мира. Тезисы 9-го Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. «Языковое сознание». Москва, Институт языкознания, 1988, с. 105–106.
- ЛОПАТИН, В. В.: Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. 1-е изд. Москва, Наука 1973. 150 с.
- ЛОПАТИН, В. В.: Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. Москва, Наука 1977. 316 с.
- ЛОПАТИН, В. В. – УЛУХАНОВ, И. С.: Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. Москва, Наука, 1977. 316 с.

- ЛОПАТИН, В. В. – УЛУХАНОВ, И. С.: Грамматика русского языка. Москва, АН СССР, 1980, с. 133-452.
- СЕРЕБРЕННИКОВ, Б. А.: Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. Москва, Наука 1988. 242 с.